

Литературный МОЯК

№ 1
(251)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

«...Десять святочных дней,
Как снежинки, слетели,
Утонули в реке
Под названием Время...»

Вот и снова январь. Будто накрыл он белым снеговым покрывалом прошлый год и открыл чистую снеговую дорогу году наступившему...

Первые следы по снегу нового года, первые строчки, первые радости и печали...

Январь в Вологде начинается днями памяти Николая Рубцова: 3 января день его рождения, 19 января - день гибели.

И рядом - дни рождения его друзей. 8 января родился Виктор Коротаяев, 80-летие которого отметили в этом году, и Сергей Багров, которому желаю здоровья.

«Россия белая от снега, и золотая от сосны...» Всегда вспоминается мне эта строчка Виктора Коротаяева, когда попадаю в хороший зимний денёк за город. А ведь это много - запомниться хотя бы строчкой. А Коротаяев-то далеко же не одной строчкой запомнился. А Рубцов... А Чухин... А Белов... Нина Груздева, словами которой я начал эту колонку...

Годы проходят, снега сменяются травами, и травы снова уходят под снег, а наши поэты и писатели остаются с нами. Милосердно дарят нам свои строчки, выговаривают наши радости и боли...

А за окном кружатся снежинки, долго кружатся, не падают, ткут белую завесу, укутывают душу. Каждая будто шепчет мне что-то... И этот шёпот сливается в снеговой хор, тихий и светлый. И в этом хоре то услышится Коротаев, то шепнёт Чухин...

Метелит январь, сыплет снег... Слетают на землю строчки... Лови их губами, читай, шепчи как свои...

«...Так вот,
просто и хитро,
Жизнь
порой врачует
душу...»

Ну и добро,
хорошо, ладно...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

8 января исполнилось бы 80 лет замечательному русскому поэту, нашему земляку Виктору Коротаяеву.

И в этот же день свой 83-й день рождения отметил замечательный писатель-прозаик Сергей Петрович Багров.

Виктор КОРОТАЕВ

Прекрасно однажды
в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твоё появленье приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь,
небеса.

Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя -
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Ещё и усы не подкручивал колос -
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,

А лён зацветающий дарит глаза.
Свой смех - колокольчик,
Роса - свои слёзы,
Прическу - густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает берёза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмёшь.
Спешит к тебе каждый
с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

Сергей БАГРОВ

Ожидающие глаза

Светлой памяти Виктора Коротаяева

Вот уже 22 года, как нет с нами Виктора Вениаминовича Коротаяева.

Поэтический бум 60-х годов минувшего века охватил все города страны. В том числе и нашу уютную Вологду. Это было золотое время таких поэтов, как Евтушенко и Вознесенский, Рождественский, Викулов и Орлов.

Рубцов даже в Вологде был тогда еле слышен. Куда его громче были Чулков, Романов и Коротаяев.

Виктор Вениаминович Коротаяев воистину был кумиром у вологжан. Поэт брал лихой напористостью стихов, в которых звенела удаль и бесшабашность. В то же время стихи его отмечали походку страны. В них были главные повороты и норы жизненных проявлений, где зло и добро устроили поединок, и хотелось понять, кто из них победит.

Первые книжки поэта шли в народ с горячим успехом. Встречи в домах культуры, в библиотеках, в строгих партийных залах, в школах, техникумах и вузах. Всё шло лихо и интересно. Коротаяева нарасхват приглашали туда, где шли азартные споры, где ожидающие глаза, где человеку хотелось почувствовать живость слова, и как это слово может вызвать в груди щемящий переполох.

Всем слоям населения Вологды был Коротаяев угоден. Его обожали и молодые, и старые.

Даже партаппаратчики испытывали к поэту повышенный интерес. Были, конечно, и те, кто Виктора не любил. Пускался в ход пошлый слух, мол, Коротаяев везде любимчик. В любой кабинет обкома войдет, открывая высокую дверь не рукой, а ногой.

Ногой - сильно сказано. Но то, что поэт появлялся в любых кабинетах, будь они, хоть того значительнее и выше, так в этом нет ничего и плохого.

Так всё и было. И делал это поэт не в личных целях с тем, чтоб чего-то выпросить для себя, а исключительно лишь для дела.

Коротаяев многие годы руководил Вологодской писательской организацией. Для неё он собственно и старался. Для неё и к высоким боссам вынужден был время от времени заходить. И его там, в большинстве своём правильно понимали. Помогали кому-то из юных талантов с работой, жильём, с переездом в Вологду из района. Так, благодаря содействию Коротаяева, хождению его по инстанциям переехал из Грязовца в Вологду замечательный лирик Сережа Чухин. Или приехала из Сибири в Вологду очеркистка Людмила Славолюбова. Приехала посмотреть: понравится ли ей наша Вологда? Посмотрела. Понравилась. Здесь и осталась, заполучив в центре города привлекательную квартиру. С той же целью

приехал к нам из Перми Виктор Петрович Астафьев. Тоже хотел понять: уживется ли он здесь с вологодским писательским коллективом? Понял, что уживется. Потому вместе с женой, тоже писательницей Марией Семеновной Корякиной, здесь и обосновался.

Уговаривать, убеждать, защищать хорошего человека, сделать что-то доброе для него - это было у Виктора Вениаминовича в крови.

Удивляла энергия, с какой поэт успевал справляться со всеми делами, оставляя время и для стихов, которые мог писать где угодно, даже на улице, когда шел из дома в писательскую контору или когда сидел на каком-нибудь скучном собрании, в конце которого мог сам себя же и похвалить: «Успел! Спасибо тем, кто наводит здесь скуку. Стихотворение, кажется, получилось!»

В своё время мысленно я Коротаяева сравнивал с Цицероном. Благо не раз и не два был свидетелем того, как Виктор Вениаминович одновременно мог вести пять, а то и шесть дел. С кем-то разговаривал по телефону, кому-то пожимал бодро руку, время от времени взглядывал на свежее стихотворение, которое только что принес ни в чем не уверенный юный лирик, и даже кивком головы послать бессменную секретаршу Елизавету вниз к горкомовскому вахтеру, чтобы

Виктор Коротаяев

та принесла сюда почту.

Поэт, хозяйственник, администратор, шутник, душа-руководитель - сколько качеств в одном человеке! И в каждом качестве был Коротаяев непревзойдён.

Удивительно, когда и как к делам поэтическим он мог добавить еще и прозу. Успев и тут проявить себя как замечательный беллетрист, выпустив повествование про убийцу Николая Рубцова «Козырная дама» и сборник рассказов «Стояли две сосны».

Многие писатели в 90-е годы, когда пошла гулять по стране рыночная стихия, оказались застигнутыми врасплох. Коротаяев, один из немногих, не растерялся. Совместно с рыночными партнёрами открыл издательство по выпуску книг и брошюр. И в помощь к себе привлек оставшихся не у дел вологодских прозаиков и поэтов. Благодаря чему появилось ряд свежих изданий. В их числе и роман-газета на вологодском материале, а также двухтомник Николая Рубцова с наиболее полным выпуском его стихов, а также рассказов о нем и поэтических посвящений.

Виктор Коротаяев! Как много о нем уже сказано! Как много о нём еще скажут. Человек-душа. Человек-забота. Весельчак. Наконец, заботливый семьянин. Как он любил жену свою Веру! Своих детей Оленьку с Сашей! Хоть и не часто, но иногда бывал у него в семье. И всегда ощущал себя здесь своим у своих.

(Окончание на стр. 10)

Сергей БАГРОВ

Ожидающие глаза

Светлой памяти
Виктора Коротаева

(Начало на стр. 9)

Здесь всегда царила атмосфера великодушия, простоты и доверительности друг к другу. Но однажды не стало хозяина. Не представляю, как Вера с сыном и дочерью это перенесли.

Весь внешний вид поэта, привлекательное лицо с оливковыми глазами, цыганская борода, просторная грудь, крупные пальцы рук, к которым никак не подходила ни ручка, ни карандаш, которыми он написал целое море стихотворений, всё, казалось бы, предназначено было для долгой, большой и уверенной жизни. И вдруг эта глупая смерть. Смерть в разгаре творческих созиданий, когда создавались новые вирши, выходили новые книги, строились планы. Виктор Вениаминович приехал только что из Москвы. Довольный и радостный оттого, что дела издательские пойдут сейчас круто вверх. Потому и бокал вина выпит был за будущие победы. Кто бы мог знать, что в бокале этом подстерегала поэта смерть. Умер Виктор Вениаминович, может, и сам не поверив в собственную кончину. Был вместе с нами и вот ушел к своим стародавним друзьям. К Николаю Рубцову. К Серёже Чухину. А через две недели будет в этой компании и Лёня Беляев.

Все они, перлы русской литературы, ушли в поэтический рай с божественными стихами. Все они могли бы и задержаться на этом свете. Но судьба повернула их в страшную сторону, где ставилась ставка на жизнь. Потому теперь они и не с нами. С нами только их ореол. Он, как памятник в сонном мире, посылающий нам оттуда неувядающие стихи.

Большую память оставил о себе Виктор Вениаминович. Она не только в его стихах и книгах, в его многочисленных выступлениях. Она и в хоре наших воспоминаний. И в детях его, уже повзрослевших Оле и Саше. Замечательно то, что Александр выбрал дорогу отца. Пишет стихи. Исключительно самостоятельные, ни в чем не повторяющие творения своего отца. После прочтения их я дал Александру рекомендацию для вступления его в писательский Союз.

Виктор Коротаев не просто поэт размашистый и многоцветный, он еще и поэт наступающий, в прямом смысле этого слова, умеющий захватить большую территорию России, заполнив ее вологодским дыханием, которое шло и идет от наших полей, лугов, деревенских избышек и городов. Там именно и могли родиться его энергичные рифмы, прославляющие мир, родину и любовь.

«Прекрасно однажды
в России родиться
Под утренний звон
золотого овса...»

Кто ему мог подсказать это равнинно-русское, светло-великое, свято-земное очарование? Спрашиваю себя до сих пор.

Леонид ВЕРЕСОВ

Николай Рубцов и Виктор Коротаев на Череповецкой студии областного телевидения

(печатается в сокращении, использованы вновь найденные документы из архива областного телевидения)

Выступление на ТВ в середине 60-х годов XX века было очень значительным событием, дававшим возможность выйти на чрезвычайно широкую аудиторию.

Н. М. Рубцов удостоился чести показаться на телевидении дважды - в 1967 и 1969 годах.

Первая декламация своих стихов по телевидению состоялась у Рубцова после поездки столничных и вологодских писателей по Волго-Балту. Передача велась из студии череповецкого телевидения прямым эфиром и называлась «Экран молодёжный». Эфир состоялся 22 сентября 1967 года. С отчетом об этой важной пропагандистской поездке выступил тогдашний ответственный секретарь вологодской писательской организации А. А. Романов. Далее с чтением своих стихов выступили А. Романов, В. Коротаев, Л. Беляев и завершил литературный вечер Н. Рубцов.

Второй эпизод выступления Н. М. Рубцова на телевидении относится к 27 февраля 1969 года. Это был один из сюжетов передачи «Северяне» Череповецкой студии телевидения. Редактор Л. Беляев, режиссёр Н. Казанкин, оператор А. Тихомиров, диктор О. Ушанова.

В гостях у телезрителей области были Виктор Коротаев и Николай Рубцов - члены Союза писателей, масте-

Николай Рубцов и Виктор Коротаев

тые вологодские литераторы. Перед чтением стихов Виктор Коротаев, как член бюро Вологодской писательской организации, произнёс достаточно большую речь.

Николай Рубцов о литературе Вологодчины и о себе сказал мало. Приводим ниже сохранившуюся в архиве машинопись речи, произнесенной Н. М. Рубцовым: «Да, действительно, последние два года работы вологодских писателей были хорошие годы. Этому способствовала и творческая активность прозаиков, поэтов, и дружба между ними, и общее стремление к тому, чтобы работа была плодотворной.

О чём же писали вологодские литераторы? Темы их творче-

ства разнообразны, но о чём бы они ни говорили, они в своих повестях, рассказах, стихотворениях, всегда их творчество было как песня Севера, песня нашего края, который занимает далеко не последнее место в повседневной жизни всей страны.

О себе говорить трудно, но если всё же говорить, то для меня эти два года не прошли даром. Мои стихи печатались в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Знамя», «Октябрь» и в других. В издательстве «Советский писатель» в Москве вышла книжка «Звезда полей», вскоре после этого меня приняли в Союз писателей.

В недалёком будущем в том же издательстве выйдет сле-

дующая книжка - «Земные цветы». Вот из неё я сейчас прочитаю некоторые стихи».

Название сборника «Земные цветы» - это, конечно, опечатка. А читать надо «Зелёные цветы».

Затем поэты начали читать стихи. И здесь уже первым читал Рубцов, и стихов он прочитал больше, чем Коротаев.

Из документов видно, что Рубцов читал свои классические вещи, а дальше идут названия стихов без фамилии (приводятся первые строчки стихотворения):

«На душе такая тишина,
Даже слышно,
как ржавеют крыши».

«Тяжелый хлеб едят поэты
Столетия целые подряд».

«Такое катилось над горкой
Огромное солнце в тот день».

«Нет, песня главная не спета,
Благодарю глаза твои».

В какой-то момент даже подумалось, что это Рубцов читал что-то своё, сейчас неизвестное, забытое читателями. Но нет, это прекрасные стихи зрелого Виктора Коротаева, который в тот вечер был достоин своего друга Николая Рубцова.

Эта публикация состоялась благодаря сохранившимся текстам передач Череповецкой студии телевидения.

Свои новые стихи прислал в «Маяк» замечательный современный русский поэт Геннадий Ёмкин. Живёт он в городе Сарове, а поэтический голос его слышен далеко по России, этот голос трогает душу...

И глубиной дышал простор,
Венчая день, венчая лето...
Я слышал птичий разговор,
Что это - осени примета.
Один из первых жёлтый лист,
Прервав круженье и метанья,
Переводил мне птичий свист
И глубину того дыханья.
Я, очарованный, простёр
Объятья осени навстречу
И стал на птичий разговор
Мудрей природы человекней.
28.08.2018

Светаёт.
Таинственно, зыбко...
Туман по долине плывёт,
И, словно качается зыбка,
И ангел, как будто поёт,
О том, что в Селеньях Небесных,
Где явлены Нега и Свет,
Ни страждущих нет,
ни больных,
И лишних у Господа нет!
Таинственно...
Зыбко...
Рассветно...
И пенье, как будто вдали
Ужели, всё - отблески Света,
Который не видим с земли?
Светаёт.
Таинственно, зыбко...
Туман по долине плывёт.
И, словно качается зыбка,
И, ангел, как будто поёт.
30.08.2018

Геннадий ЁМКИН

Позывной - «Тишина»...

Я осторожен - нежное несусь,
Ладонями от ветра укрывая.
Там утренние звёзды на весу
Всё шепчутся о чём-то, угасая.
Там ландыши последние цветут,
Любой прохожий
хочет стать поэтом,
А соловьи, послушай, так поют,
Что май, вздыхая,
истекает в лето.
В ладонях, как в долинах,
эти дни

От суеты и быта охраняя,
Несу тебе, любимая! Прими!
Как принимают ландыши,
вздыхая.
02.09.2018

ПОЗЫВНОЙ - «ТИШИНА»

Нас уходило восемь.
Теперь осталось пять.
А скоро будет вовсе

И некого считать.
Прислушайтесь! - В эфире
Есть место тишине,
На вызов: - «Ноль-четыре»!
Ответьте «Старшине»!
В зелёнке, вдоль оврага
Становимся травой.
И «Тишина», по праву,
Наш новый позывной...
15.11.2018

ПТИЦЫ

Не спится, родная!..
Не спится...
И ты, беспокойная спишь,
Бретельку у левой ключицы,
Вздыхая, во сне теребишь...
Тебе - беспокойное снится...
Ты шепчешь во сне: - Приходи!
Наверное, райские птицы
В твоей поселились груди!
Не спится, родная!
Не спится!

И знаю, уже не уснуть!
Поскольку две райские птицы
Волнуют высокую грудь...
15.12.18

Горит в углу лампадка,
Мерцают образа.
Сверчок за печкой сладко
Поёт, закрыв глаза,
С любовью на кроватьку,
Где русский мальчик спит, -
Во сне вздыхает сладко, -
Сам Боженька глядит.
И от его лампадки
Небесный свет плывёт.
И ангел, кроткий ангел
Над мальчиком поёт.
19.12.18

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза прошла. Остатки грома
Чуть различимы, чуть слышны.
В лугах туман, в лугах истома -
До осязания тишины.
Такого - не услышать дома.
И я спешу, спешу в луга,
Где тишина, что после грома,
В туманном мареве стога,
Пока весь мир - одна истома.
Река светла, и тёмн лес,
Когда уже осколки грома
И те - просыпались с небес.
20.12.18

Ночь.
Январь.
Дорога.
Звёзды всё полней.
Не проси у Бога
О продленье дней.
Ты под звёздным светом
Лучше попроси
О душе бессмертной:
- Господи,
Спаси!

Светлана ЧЕРНЫШЕВА

Рассказка о том, как просто вырастить зимние подсолнухи

С утра Ася решила заняться садоводством.

- Пошли! - говорит. - Я взяла семечки, лопату и две лейки.

Я, конечно, очень удивился, потому что на улице была зима, но решил не показывать своего беспокойства.

- А снег нам не помешает? Январь на дворе!

- Ничего, мы будем копать глубокие ямки. Ты сам увидишь, как красиво расцветут подсолнухи прямо на снегу.

И я вздохнул.

- Никогда ничего подобного не видел.

- Значит, увидишь!

- Подсолнухи на снегу - это красиво! Сразу теплее станет.

И мы пошли на улицу, а там, как назло, были огромные сугробы. А Мишка из второго подъезда хитрый такой. Самому сажать лень, а важность показать хочется.

- Что это вы сажать собрались?

- Подсолнухи! - вздохнула Ася.

Тут прибежали ещё ребята, и началось. Но Мишка, он ещё и

вредный оказался, кричал громче всех.

- Мы первые пришли на площадку, так что сначала в снежки сыграем, а потом можете и подсолнухи сажать.

И мы ждали, ждали... А вокруг летали снежные пули, и доносились радостные возгласы: «Ура!» Мишка сражался лучше всех. Только к вечеру ребята стали расходиться - сугробы были полностью снесены. И то, что осталось, мы быстро вскопали, закинули семечки. Чуть-чуть полили, припорошили: «Красота!» Мы так заработались, что не заметили, как наступил темный вечер, почти ночь.

- Пойдём, - говорит Ася, - домой пора!

И вот, только мы в тепле очутились, мамочку увидели, как сра-

ФОНАРИК

страница творчества детей и для детей

Продолжаем публикацию «рассказок от Воздушного Шарика» в пересказе Светланы Чернышевой.

зу спать захотелось. А утром, чуть свет, Ася стала на улицу снова собираться.

- Вставай, - говорит, - пора цветы поливать.

А мне идти неохота, потому что цветы так быстро всё равно не выросли. Смотрю, а она уже лейку и тяпку взяла, шубку напялила, меня ждёт. Ну,

что тут поделаешь...

И только мы во двор вышли, так и замерли. Я даже окаменел от восторга и двигаться перестал. Такого я раньше не видел - жёлтые цветы, зелёные листья, прямо на снегу нарисованные. И до чего замечательно, глаз не отвести.

Конечно, Ася в тот же миг в Василису Прекрасную превратилась, шапочку поправила, молнию на правом сапоге застегнула, чтобы красоту не испортить. А Мишка сразу тут как тут.

- Это, - говорит, - я нарисовал жёлтой и зелёной краской. А семечки синие получилась, потому что я краски смешал.

И засмутился так, что Ася даже улыбнулась.

- Красивые подсолнухи получились. А чёрной краской, наверно, скоростные машины раскрашивал? Краска и закончилась.

И Мишка подтвердил. На то он и мальчишка, чтобы разную технику рисовать. Потом он пообещал Асе летом снова подсолнухи нарисовать - на асфальте. Пока они разговаривали про подсолнухи, я вертелся, как мог, заглядывая в глаза то Асе, то Мишке, и думал: «Хорошо бы и мне научиться рисовать или выращивать цветы. Только и умею - рассказы рассказывать».

Анна ДИЕВА (4 «б» класс, Гимназия № 2 г. Вологды)

Ёлка

В одном лесу родилась ёлка. Её звали Иголка. Она была колючая, поэтому к ней никто не подходил и не дружил с нею. Она думала, что жизнь её плохая. Ёлка Иголка была очень красивая и стройная, но очень эгоистичная. Гордо стояла она посреди своей поляны.

Прошло много лет. Ёлка выросла, но друзья у неё так и не появились. Она никого не любила и считала себя лучше всех.

Однажды зимой её срубили. Привезли в дом, нарядили игрушками. Вокруг ёлки водили хороводы, пели песни, смеялись. Она почувствовала себя королевой. Ёлка думала: «Какая я счастливая! Все любят меня мною. Я приношу всем радость!»

Люди веселились, а одна девочка сидела в углу на стуле. Эту девочку нельзя назвать красавицей: кривая спина, маленькие ножки, которые не могли ходить, необычные руки, на одной ручке палец висел, как осенний лист на дереве. И только глаза девочки блестели теплом и надеждой. Весь праздник Иголка думала об этих удивительных глазах.

Когда все ушли, девочку подвезли к ёлке, и она загадала желание: «Пусть друзья, родные и все-все люди будут счастливы».

Слезинка счастья пробежала по стволу Иголки. Ветки стали мягкие, игрушки зазвенели. «Почему эта девочка желает счастья другим, а не себе?» - удивилась ёлка.

Рука девочки коснулась еловой ветки. «Какая необычная девочка!» - подумала ель. Всю ночь она размышляла о доброте, красоте, счастье... и девочке. «Если все загадывают около меня желания, то, значит, они должны сбываться. Попробую и я загадать: «Пусть девочка с тёплыми глазами будет счастливой и здоровой!»

На другой день девочку подвезли к ёлке, чтобы дать подарок. И вдруг случилось чудо! Ёлочка засветилась, огоньки забегали, а девочка... встала на ножки, спинка выпрямилась, ручки стали ровными. Она засмеялась и побежала к родителям. И в это мгновение все иголки осыпались с ёлки, ствол засох. Так исполнилось желание ёлки.

Любой может желать другому добра и счастья!

Зимняя сказка

Вот и наступила зимняя пора. Деревья и кустарники спрятались в тишине зимнего леса. Старушки-ели зябко кутаются в наряд зимы. Дремлет старичок-пенёк, надев на себя новую шапочку. Ничто не тревожит зимнюю тишину до утра. Лишь резкое дуновение ветерка может нарушить сон леса.

Но вот тусклые лучи зимнего солнца робко коснулись пушистого снега. И вдруг от их прикосновения заиграли холодные снежинки. На ветку уселась толстая ворона и потревожила зимний сон. Дерево трянуло рукавом, и всё утихло.

Как я люблю это время года!

Денис МАКУРИН

Сбой системы

Как-то утром в воскресенье мы с Вовкой супер вычислительную машину построили. Все передовые решения и космические технологии с нашей улицы собрали, в одно место стащили. Затем проводами соединили, удлинитель из дома протянули и, наконец, машину подключили. Экран у неё помигал немного, после чего синим светом зажегся.

- Отлично! - сказал Вовка, - Можете приступить к испытанию, старший научный сотрудник!

Я удивился и спросил:

- Кто я?

- А кто же ещё?! - разозлился Вовка. - Здесь никого больше нет!

Потом он брови нахмурил, рукой погрозил и добавил: - И поторопитесь! Время не стоит на месте. Завтра наше открытие откроют другие!

Я пододвинул ящик, сел рядом с нашей супер вычислительной

Надежда КАСАТКИНА
(Кубенская средняя школа, 4 класс)

машиной и задал вопрос:

- Уважаемая супер машина ВиМ...

ВиМ - это значит - вычислительная супер машина Вовка и Мишка. Название у меня на ходу придумалось, и я начал Вовке рассказывать, а он в плечо меня толкнул:

- Не отвлекайся! Испытайвай!

И я продолжил:

- Уважаемая супер машина ВиМ, посчитай сколько во мне любовей? При условии, что я люблю папу в два раза больше, чем он любит маму, а маму в три раза больше, чем она папу. И вместе это получается примерно поровну, потому что любят они по-разному, а я одинаково.

Тут наша машина затрещала, закричала. На экране стали появляться цифры, буквы и складываться в какие-то уравнения. Мы таких в школе ещё не решали: икс умножить на два икс плюс икс умножить на три икс...

Ну, думаю: «Это же супер машина ВиМ! Ей, что? Она и не такое может!» - и я дальше по порядку:

- Ещё я люблю своего старшего брата. Особенно, когда он меня с собой берёт или что-нибудь дарит, а когда дразнит или дерётся - не люблю. Но чаще все-таки первое! Дедушку и бабушку я люблю всегда одинаково и очень по ним скучаю, потому что они живут далеко, и видимся мы только на каникулах, а хотелось бы чаще! Своего и бабушкиного кота я тоже люблю. И если я случайно наступаю им на лапу или хвост, то они меня не царапают и не кусают, а всегда прощают. Кроме этого, мне вчера Юлька крикнула: «Мишка, я тебя люблю!» - и помахала рукой из окна. А я что-то не понял, в каком она смысле? Как она меня любит, чего и зачем?

После этих слов машина моргнула и погасла. Вовка подошёл, треснул по ней кулаком «бам!» и телевизор у неё вовсе отвалился. И космические технологии, и передовые решения тоже.

- Всё доиспытывались - сбой системы! - сказал Вовка. - Видимо, нам ещё рано такие вопросы задавать.

«Жизнь промчалась,
как торпедный катер,
За собой оставив
бурный след...»
А вполне бы мог и на полатах
Сочинять стихи в тепле поэт.

Греть бы мог
на русской печке ноги,
Коль в ту ночь
остался бы живой...
Мог бы выбрать
ровную дорогу,
А пошёл по «этой,
штормовой».

На погост увёз
«дощатый катер»,
На руках покачиваясь чуть...
...А была б в ту ночь
блондинка Катя,
Мог бы свой земной
продолжить путь.

Мог Рубцов бы в дом
носить сметану,
Был бы часто трезв
и чисто брит.
...Не согнёт в дугу поэта
старость
Не старея, каменный, стоит...

Вслед великим
мчится сплетен ворох
(Эх, посмел бы кто
сказать в лицо).
«... как живые,
в наших разговорах
Тютчев, Пушкин, Лермонтов...»,
Рубцов.

Эта лунная ночь так светла!
Воздух ясен и жгуч -
от мороза.
И, от светлого снега бела,
возле зданья застыла берёза.

Не такую ли ночью Рубцов,
глядя в звёздное небо
родное,
слушал призрачный звон
бубенцов
за рекою с мечтой о покое...

Звёзд не счесть
над родной стороной.
Эти звёзды Рубцову светили,

путь его освещая земной.
И к могиле вели не они ли?
Не такую ли ночью она
встала тучей над ним,
на колени?
Эта звёздная ночь так ясна
и видений полна,
и сомнений...

Белый-белый
виднеется храм,
роща в светлые ризы одета...
И берёзы трещат тут и там,
или мне померещилось это?

Смотрит пристально
каменный
прозвеневший поэт,
не стареющий в памяти
столько зим, столько лет.

Прочтены посвящения.
Не пора ль помянуть...
Зимний полдень. Крещение.

Не погода, а жуть.
Непогода над городом.
Сумрак в души проник.
...Поднят, будто от холода,
у пальто воротник.

Дождик сеет на лысину,
хоть бы кепку надел.
...Сколько же не написано,
записать не успел.

За большими поэтами
смерть спешила не раз...
Время, ими воспетое,
продолжается в нас...

Ветер мечется северный.
Шею шарф холодит...
Одинокое дерево
сгорбилось позади.

Ни берёзы. ни кустика
(Мы, конечно, в долгу...)
И букет неискusstвенный,
как костёр на снегу.

Стоило лишь
памятником стать -
масса почитателей готова...
Да, Рубцова надо почитать!
Но - сначала почитав Рубцова.

Январь, для вологжан в особенностях, месяц «рубцовский». В январе день его рождения и день гибели...
Своими воспоминания о поэте в этом номере делится писатель Валерий Кузнецов, живущий в Оренбурге, учившийся на заочном отделении Литературного института им. Горького в одно время с Николаем Рубцовым.

Раннее, необычно тихое для Москвы утро весны шестьдесят восьмого. Весёлый птичий щебет в бесконечном сквере по улице Добролюбова... Я знаком с Рубцовым несколько дней. Волею деканата заочного обучения Литературного института имени А. М. Горького совпали - и совпадали ещё полтора года - сессии нашего курса и того, на котором учился Николай Рубцов.

Сквер почти безлюден. Сидим на скамейке, пьём, не торопясь, пиво - прямо из бутылок. Рубцов небольшого роста, с коричневатым лицом, пигментные пятна разлились по лбу - ставит бутылку, строго блестя тёмными глазами: «Чего они ходят здесь!» - на утренних пьяниц. Насупившись, «прячется» в себя. Потом быстро поглядывает в мою сторону, продолжает разговор с непривычной ласковостью:

- Лена... дочь у меня... - Показывал ей ночью звёзды... говорил о них... А утром выводит меня за руку на улицу. Смотрит на солнце, на меня, - не понимает: «А где же звёзды?».

Молчит, улыбается дочери в далёкой Николе. И - с печалью:

- По радио стихи как-то передавали... Старая запись - дома-то не был давно. Она слушает и кричит: «Папа, папа! Ты когда приедешь?..» Умолкает теперь надолго, бродит настороженным взглядом по аллее, по лицам редких прохожих - опять в своём. Вдруг на лице какой-то едва ли не страх - как будто был убеждён в том, что увидит. Смотрю по взгляду: на скамеечной доске большими буквами вырезано «Лена».

Валерий КУЗНЕЦОВ

Тревожный житель земли

(Из воспоминаний заочника)

Уже вышла его «Звезда полей», и в общежитии Литературного института Рубцов редко бывал один. Силой искусства и человеческим любопытством к нему, как бабочек на огонь, тянуло поэтов и не поэтов, близких и не близких. С теми, в ком чувствовал понимание, он общался просто, дружески, без превосходства. Кажется, у него и не было потребности напоминать о дистанции в «допущенном кругу» - многие сами невольно держались её.

В отношениях с людьми он не знал «золотой середины». Равнодушие или неприятие чувствовал мгновенно, и тогда выходило наружу то, что дало основание многим упрекать его в трудном характере.

Он бывал резким. Раздражённый неумностью или пошлостью, поднимался из-за стола и, угрюмо сузив глаза, говорил, ударяя каждым слогом:

- Ухо-ди-те все!..
И не одно болезненное самолюбие мирилось с этой вспышкой темнеющей души.

Рубцов любил объединяющий юмор, именно юмор, а не остроумную издёвку. Мой сокурсник Валерий Христофоров, пылко и требовательно полюбивший поэзию и поэта Рубцова, написал шутиливую пародию на его характерные синтаксис и интонацию:

«Пришла весна...
Природу славят люди!
И ржавый плуг
вонзает в землю нож...
И я сказал,
что больше зим не будет!
Сказал - и сам поверил
в эту ложь».

И когда читал её, имитируя голос и так же рубя и всплескивая руками, Рубцов, не созданный, кажется, для открытой улыбки, мило светлел, преображался из-под привычной сумрачности.

Из рассказов Рубцова один запомнился своей символич-

ностью, да и его самого, видно было, занимал этот случай.

А было так. Рано утром он шёл по ещё безлюдной московской улице. По дороге сорвал цветок и так, с цветком в руке, поравнялся с пивным киоском. Там уже собиралась страдающая толпа. Какой-то серый, потёртый человек неотступно следил за ним. Не выдержал - подошёл и сказал:

- Брось цветок!..

Не баловал поэта теплом человеческого космос. Как деревцо, выросшее на пустыре, должно «помнить» все удары ветра, так и Рубцов из детдомовского начала жизни вынес немало ссадин. Слабому в таких обстоятельствах недолго сломаться - он же в сокровенных тайниках души выращивал собственный цветок любви и света. Чтобы оберегать его, уходили все силы души.

На майской сессии шестьдесят девятого года - последней в учёбе Рубцова - мы с ним, Валерием Христофоровым и прозаиком Яковом Погореловым из Саратова поселились вместе в комнате общежития Литинститута (почти во все предыдущие приезды Рубцов жил один). Присутствие Николая превратило нашу комнату в какой-то союзный перекрёсток - жизнь затихала лишь на несколько предутренних часов...

Слава поэта росла стремительно, небывало, внешне же он не менялся, не «бронзовел при жизни». Думается, он был органически неспособен к любому самодовольству, а вот с мудрой грустью его вглядывание в ближнего - помнится.

Трогало обострённое отношение Рубцова к любому критическому замечанию. Как-то,

Николай Рубцов в Литинституте

собрал несколько человек, он прочитал, видимо, недавно законченные «Вечерние стихи»: «Когда в окно

осенний ветер свищет
И вносит в жизнь
смятенье и тоску,
Не усидеть мне
в собственном жилище,
Где в час такой
меня никто не ищет,
Я углы за Вологду-реку...»

После завершённой непосредственности «Звёзды полей», графической четкости, лаконизма «Горницы» новые стихи показались необязательной данью форме, затянутыми, написанными от профессионализма. Что-то подобное я тогда же высказал. Он промолчал...

В ту ночь долго не спалось. Поздно пришёл Николай, лёг, не зажигая света. Вдруг я услышал его тихий голос:

- Ты не прав... Я ведь стал писать по-другому... Не могу же я всё время писать «Звёзды полей»... Ты ведь не знаешь всех стихов...